
ГЕНДЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ББК 60.542.2

Н. К. Радина, А. А. Никитина

ВОЗМОЖНОЕ ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН КАК ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ НА ТРАНСФОРМАЦИИ МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Одна из непрекращающихся российских дискуссий последних десятилетий — изменяющиеся гендерные отношения, напрямую отражающиеся на своеобразии новых идентичностей мужчин и женщин [20]. С одной стороны, успехи женского движения, пусть и неоднозначно оцененные, утверждают социальную активность женщин (см., напр.: [8, 9, 30, 32]). Но итоги социологических и социально-психологических исследований нередко отражают фактически противоположный полюс востребованной женской экономической зависимости и пассивности (см., напр.: [29]).

Мужественность в исследованиях представлена многолико — от «гегемонов» до «низвергнутых» (безработных, инвалидов) (см., напр.: [11, 12, 31, 33]). Мужчина-метросексуал, взглянувший на гендерных исследователей с обложки «глянцевых журналов», «тестируется» современными социологами, культурологами, психологами в пространстве жизненной реальности [19].

Игорь Семенович Кон предполагает, что инициаторами социальных перемен являются женщины: именно они изменяют стандарты отношений со своими мужчинами, что неизбежно ведет к трансформациям мужской идентичности [18]. Эту идею — влияние женщин как наиболее активных агентов гендерной социализации (матерей, сестер, подруг и т. д.) на мужскую гендерную группу и мужскую идентичность — мы хотели бы обсудить в данной статье по материалам проведенных исследований.

Проблемы гендерной социализации с точки зрения социального конструирования гендера мы изучали ранее, анализируя изменения в персональной идентичности. Половая принадлежность и осознание на этой основе собственной гендерной группы «работают» над представлением личности о себе, внося «правку» в индивидуальные проявления, нормативность поведения контролируется благодаря бдительности агентов гендерной социализации, в результате чего в итоге прохождения подросткового возраста у личности складывается не

только персональная, но и определенная гендерная идентичность как одна из базовых структур социальной идентичности [26].

В предыдущих исследованиях мы в очередной раз подтвердили общеизвестный тезис о том, что наиболее значимым агентом гендерной социализации является мать: именно мать задает первые рамки «гендерно-приемлемого поведения» для детей обоего пола [28]. В подростковом возрасте осознается роль таких агентов гендерной социализации, как ровесники своего пола (друзья и возлюбленные) [26].

Исследования показывают, что влияние семьи на подростка не стоит переоценивать: изучая сценарии романтических отношений юношей и девушек, мы обнаружили впечатляющий «поколенческий разрыв» в конструировании семейных историй. Девушки — участницы исследования очень плохо знали историю своей семьи и историю романтических отношений родителей, а юноши не интересовались отношениями между родителями и вообще практически ничего не знали об историях их романтических ухаживаний: герои сериалов и СМИ для них были более очевидной реальностью и предметом подражания [27].

Анализируя преемственность в жизненных сценариях женщин в одной семье, мы обнаружили, что факторы макроуровня оказываются не менее влиятельными в построении человеческой судьбы (войны, правительственные инициативы, «комсомольские стройки» и т. п.). Это позволяет оценивать, например, психоаналитические инструменты изучения и влияния на семью как инструменты локального уровня, объясняющие лишь часть практик повседневности семьи, как правило, дисфункциональной [23].

Наиболее значимые результаты с точки зрения теории «гендерных линз» Сандры Бем (согласно которой гендерные представления общества — «гендерные линзы» — формируют под свои стандарты психологию, личностные переживания мужчин и женщин) [3] были получены нами при сравнении социальных представлений о «выдающейся жизни» для мужчин и для женщин [24].

Качественный и количественный контент-анализ 60 текстов проблемно-ориентированного неструктурированного интервью взрослых и социально успешных мужчин и женщин позволил реконструировать «строительный материал историй» — конструкты, при помощи которых создаются и оцениваются истории жизни (табл. 1).

Анализ таблицы показывает, что интерпретация социальной «встроенности» и социальной компетентности — собственной и аутгрупповой — у мужчин и женщин различна. Мужчины реконструируют «мужской сценарий» и «мужскую идентичность» посредством включения в мужскую группу и уважения в ней (мы-идентичность), посредством социальной компетентности, гражданской и профессиональной активности, достижений и ответственности (перед мужской группой и семьей).

Реконструкция «мужского сценария» жизни со стороны женщин происходит как бы с точки зрения его подруги (пятая часть описаний мужской жизни состоит из пояснений о его отношениях с женой или возлюбленной). Однако этот образ в большей степени содержит формальные требования к «хорошей жизни», построенной мужчиной: успешность, отличное образование, высокий статус в обществе — и в целом носит более объективный характер.

Таблица 1

Конструкты историй жизни для незаурядных мужчин и женщин, %

Сценарные конструкты	Жизнь мужчины		Жизнь женщины	
	Мужской взгляд	Женский взгляд	Мужской взгляд	Женский взгляд
Авторитет в своей группе	20,9	—	—	—
Гражданская позиция	9,4	—	—	—
Социальная компетентность	14,4	—	—	—
Социальный статус	—	17,6	7,5	11,9
Требования к партнеру	—	8,8	—	17,2
Уровень образования	—	8,5	—	—
Взаимоотношения с партнером	—	10,3	15,7	—
Преодоление трудностей	8,3	9,9	12,8	—
Достижения	12,4	9,3	14	—
Наличие семьи	11,9	10,5	13,7	17,9
Личностные качества	12,2	15,7	12,8	13,5
Проф. компетентность	10,5	9,4	9,8	9,2
Жизненные испытания	—	—	13,7	8,8
Требования к внешности	—	—	—	12,9
Эмоциональная отзывчивость	—	—	—	8,6

В том случае, когда мужчины описывают «впечатляющую» жизнь женщины, они прочитывают ее жизненные события посредством своих ценностей и стандартов: жизнь бросает ей вызов — и женщина побеждает, достигает успеха и социального признания. Как и выдающийся мужчина, она обладает незаурядными личностными качествами, ценит семью, но, «будучи женщиной», не ограничивается семьей, реализует себя в профессии и обществе. Необходимо отметить, что испытания — обязательные условия для создания «особенного» сценария женской жизни: ни мужчины, ни женщины для «значительного сценария» мужской жизни не использовали события, связанные с особыми испытаниями.

С другой стороны, именно женщины охотно воспроизводят наиболее традиционные стереотипы в конструировании жизни, как для мужчин, так и для женщин. Женщины в их историях — следят за внешностью и чувствительны, зависимы от партнера, мужчины обладают высоким положением в обществе и особыми личностными качествами, таким образом, менее статусная в обществе гендерная группа женщин оказалась более склонной сохранять гендерные стереотипы как относительно своей группы, так и относительно более высокостатусной — мужской.

В данном случае мужчины проявили себя как «нормоопределяющая», а женщины как «нормосохраняющая» группа, поскольку социальное сравнение было разнонаправленным. Признание женской активности со стороны мужчин в данном случае очень напоминает признание «по доверенности» П. Бурдые: если женщина восхищает «зрителя» (читай: «судью») не поступками своего

мужа или сына (читай: «своими поступками»), то ее поступки могут быть признаны мужественными [6]. На уровне функционирования макроструктуры данный феномен можно объяснить культурными традициями андроцентризма: достойная женщина в большей степени похожа на мужчину [3, 22].

Результаты проведенных исследований вынуждают признать существование некой коллизии в поиске ответа на вопрос: женщины в обществе — источник гендерной динамики или нормосохраняющая группа? Может быть, нормоопределяющая функция мужской группы, напротив, служит основой социального творчества не только в отношении изменения границ женского пространства личности, но и мужского? На эти вопросы мы будем искать ответ, опираясь на проведенные в 2010 г. исследования в области изучения мужской идентичности.

Для того чтобы изучение мужской идентичности стало возможным, мы создали и апробировали опросник «Изучение развития мужской идентичности» (ИРМИ) [25]. Ранее в отечественной социальной психологии мужская идентичность изучалась исключительно в русле качественного подхода [16], что существенно затрудняло проведение исследований, ориентированных на поиск закономерностей.

Опросник построен на социально-конструктивистской идее «создания гендера» как индивидуального, «субъектного» проекта мальчика (юноши, мужчины), при котором материалом для построения мужской идентичности служит ориентация на «мужские нормы», составляющие мужскую культуру. Взрослея (гендерно социализируясь), мальчик выбирает, подвергает селекции, «примеривает» на себя эти «мужские нормы» и формирует у себя мужскую идентичность, которая, согласно исследованиям, считается вполне сложившейся и определенно может быть идентифицирована начиная с подросткового возраста.

В данном опроснике мужская культура, на индивидуальном уровне определяющая мужскую идентичность, описывается посредством 7 шкал, 6 из которых представляют «нормы мужественности», описанные в культурологических, социологических и психологических исследованиях (норма статуса, нормы эмоциональной, физической и интеллектуальной твердости, норма антиженственности, рискованность) (см., напр.: [4, 5, 6, 10, 13, 15, 17, 21]), а седьмая шкала «измеряет» у опрашиваемого метросексуальные установки на себя.

По итогам опросника идентифицируются семь вариантов развития мужской идентичности. Три варианта — патриархатного типа (гегемонная, компенсаторная и «мягкая»)*, два — гибридного, два — альтернативного.

«Гегемонная мужская идентичность». Данный вариант развития мужской идентичности является своего рода доминирующим идеалом, культурно господствующим и самым престижным в обществе (лидер, физически и сексуально активный, способный доминировать над женщинами, эмоционально выдержанный, принимающий решения, рискованный, классический пример — образ мачо). Гегемонные формы отражают суть мужского превосходства, что предполагает не только иерархические практики доминирования между гендерными группами, но и построение иерархий в группе мужчин.

* Общее значение понятия «патриархат» — господство мужчин над женщинами [1].

«Компенсаторный» вариант развития мужской идентичности. Данный вариант основан на сексизме и доминировании над женщинами, при этом сам мужчина не является активным носителем установок на соблюдение «норм мужественности». Велика вероятность того, что обладатель «компенсаторной мужской идентичности» склонен к насилию в отношении женщин.

«Мягкая» патриархатная мужская идентичность. Данный вариант характеризует мужчин, чья установка на соблюдение традиционных патриархатных «норм мужественности» едва выражена.

Гибридные варианты развития мужской идентичности. Эти варианты являются промежуточными между патриархатным и альтернативным развитием и предполагают установки на себя и соблюдение норм, присутствующих в данных полярных сценариях развития идентичности.

Альтернативные варианты развития мужской идентичности. В основе их развития лежит отход от признания гендерной дискриминации, при этом метросексуальный вариант предполагает более центрированного на себе и своей внешности мужчину, эгалитарный вариант развития мужской идентичности включает множество форм, ключевой объединяющий признак которых — признание другой гендерной группы как равноценной.

Нами был опрошен 341 мужчина от 16 до 60 лет и старше (из них 109 подростков 16—18 лет, 154 молодых человека от 19 до 25 лет, 57 взрослых работающих мужчин от 26 до 60 лет и 21 мужчина — старше 60 лет), результаты опроса, описывающие распространение тех или иных вариантов развития мужской идентичности, представлены в таблице 2.

Согласно результатам исследования, около 15 % мужчин всех возрастов претендуют на «практику гегемонной мужественности», около половины конструируют один из патриархатных вариантов мужской идентичности.

Таблица 2

Варианты развития мужской идентичности у мужчин разных возрастных групп, %

Возрастные группы	Патриархатные варианты			Гибридные варианты		Альтернативные варианты	
	Гегемонный	Компенсаторный	Мягко-патриархатный	Рискованный	Нерискованный	Метросексуальный	Эгалитарный
15—18	12,5	6,5	23,5	11,5	7,5	16	22,5
19—25	14	12	19	13	7,5	15,5	19
26—60	15	17	31	2	1	12	22
Старше 60	14	10	33	—	—	—	43
15—18	42,5			19		38,5	
19—25	45			20,5		34,5	
26—60	63			3		34	
Старше 60	57			—		43	

К сожалению, с возрастом увеличивается число мужчин, которые выбирают «компенсаторную патриархатную идентичность» в утверждении мужественности (возможно, они обладают негативным опытом конкуренции в своей гендерной группе). При этом примерно пятую часть молодых людей, имеющих незначительный жизненный опыт, можно отнести к колеблющимся (у них на момент опроса сформировалась гибридная мужская идентичность, так называемый «промежуточный вариант»). У взрослых мужчин «гибридные формы» мужской идентичности трансформируются преимущественно в патриархатные.

Метросексуалы, созданные современными маркетологами и «обществом потребления», населяют молодежное сообщество, а для пожилых людей этот вариант конструирования мужественности неприемлем. А вот число мужчин, ориентированных на эгалитарные отношения и построения эгалитарной мужской идентичности, как и «гегемонных», с возрастом не изменяется (исключением вновь является группа пожилых).

К сожалению, в нашей выборке группа пожилых мужчин невелика, вероятно, увеличение среди пожилых числа тех, кто сформировал у себя эгалитарную мужскую идентичность, обусловлено осмыслением жизненного опыта, позволяющим учесть вклад женщин в семью, и «мужскую жизнь» в частности, дающим возможность пожилым мужчинам иначе, недискриминационно, строить свои отношения с женщинами и свою эгалитарную мужскую идентичность. Однако в целом складывается впечатление, что, если отбросить «эффект когорты» (т. е. не сравнивать заведомо различные по культуре взросления группы, как, например, подростков и пожилых), мы обнаруживаем весьма статичную структуру конструирования мужской идентичности современного российского мужчины:

— в которой не менее чем каждый десятый оказывается претендующим на гегемонность;

— не менее чем каждый десятый строит свою мужскую идентичность компенсаторно, основываясь не на достижениях в процессе конкуренции в мужской группе, а на пренебрежении к женщине;

— более половины мужчин периода «средней взрослости» сформировали у себя патриархатную мужскую идентичность;

— не менее чем каждый десятый (как правило, молодые мужчины) готов признавать права женщин, но при этом концентрирует исключительное внимание на себе и своем теле;

— каждый пятый, отчасти разделяя традиционные «мужские нормы», готов к эгалитарным равноправным отношениям, поскольку его мужская идентичность — эгалитарна.

Подобная согласованная структура различных вариантов развития гендерной идентичности у мужчин, принадлежащих к разным возрастным группам, наталкивает на мысль, что она обусловлена не столько «инициативой женщин», их «агентским» влиянием (тогда мы бы обнаружили более существенные различия между возрастными группами), сколько доминируемой «желательной» ориентацией на патриархатную идентичность, личностной характеристикой и субъектностью в решении тех жизненных задач (трудностей, травм, проблем), с которыми столкнулся мужчина в процессе взросления. Особое

внимание стоит обратить на значительное число тех мужчин, кто принимает идеалы патриархата, а также на тех юных и молодых, кто ориентирован на новые «метросексуальные стратегии» «формирования нового мужчины». Конформизм как основной механизм социализации «работает» на то, чтобы унифицировать личностный ландшафт, и по данным результатам исследований мы убеждаемся в наличии этой «унификации». Однако гораздо важнее понимание того, что именно «глобальные факторы», связанные с макроуровнем, будь то «доминирующие нарративы патриархата» или новые агрессивные маркетинговые стратегии, во многом определяют развитие личности.

Сравнивая эти результаты с прежними, когда мы исследовали женщин трех поколений, проживающих совместно в одной семье [23], и также идентифицировали важнейшую роль агентов и факторов макроуровня, возможно заключить: и мужчины и женщины как гендерные группы включены в сложную систему социальных, экономических и политических отношений, зависят от нее и своими личностями встраиваются в эту систему, поддерживают ее. Изменения в гендерных отношениях инициированы не самими гендерными группами (никто из них не является источником), а дисбалансом в системе, при этом именно женщины более чувствительны к изменениям и демонстрируют изменения в собственном поведении, как только эта система приходит в движение, дестабилизируется, трансформируется. Почему именно женщины?

Если положения психологии межгрупповых отношений применить к гендерным отношениям в обществе (стратификационный аспект гендера как аналитического инструмента), выясняется, что женская гендерная группа обладает многими психологическими признаками низкостатусной группы, однако теми же признаками обладают, например, низкостатусные этнические группы (не случайно социальную стратификацию связывают с гендером, этничностью и классом) [2, 7].

Так, женщины как представители той социальной группы, которая в обществе обделена ресурсами, согласно обнаруженным социально-психологическим закономерностям, могут демонстрировать аутистический фаворитизм (считать мужчин более достойными). Но именно эти же социально-психологические закономерности будут определять более динамичное поведение женщин при изменениях в окружении: член низкостатусной группы неочевидно проигрывает в ситуации изменений, но проявляет более очевидную готовность выиграть — изменить свое невысокое социальное положение (например, в салоне автобуса освободившееся место займет тот, кто считает свое прежнее положение более худшим).

Мы полагаем, что женщины — не источники изменений, скорее их нестандартное поведение — своеобразный маркер социальных перемен (так зима наступает не потому, что улетели скворцы, а скворцы улетают при приближении морозов). Женщины не источники, а первоходцы, поскольку представляют низкостатусную группу и нуждаются в социальных изменениях, и в данном контексте они — целевая группа для продвижения ценностей демократизации общества. В связи с этим обвинения в адрес женщин, предающих семью (согласно статистике, женщины чаще становятся инициаторами разводов), толкающих мужчин на «не мужское поведение», тем самым разрушая общественные устои,

не выдерживают критики. Женщины оперативнее реагируют на объективные процессы в экономике, политике и социальной практике, поскольку находятся в более незащищенной, уязвимой социальной позиции (реагируют, но не определяют изменения), а та часть мужчин, которая относит себя к представителям высокостатусной социальной группы, до последнего момента предпочитает иллюзии, надеясь на сохранение своего высокого социального статуса.

Для исследователей интересно и то, что женщины как социальная группа, демонстрируя весьма эмансипированное поведение, на уровне опросов могут по-прежнему выполнять «нормосохраняющую функцию», воспроизводя прежние, неработающие в реальности их жизни стереотипы, что в очередной раз доказывает, что «женское лидерство» и женская инициатива в обществе с патриархатными ценностями в большинстве случаев — не от «злого умысла» женщин, это поиск оптимальной стратегии выживания.

Важно отметить, что в последние годы в отношении российских женщин как социальной группы ведется массовая кампания якобы по продвижению «женских ценностей», навязывающая женщинам паразитические экономические установки, реализуемые при наличии состоятельных партнеров-мужчин [29]. Убеждаясь, что маркетинговые стратегии в отношении мужчин оказываются вполне результативны (так, городские юноши, по данным наших исследований, вполне охотно разделяют метросексуальные установки и строят метросексуальную идентичность; см. табл. 2), мы полагаем, что попытка реализации паразитических экономических стратегий женщинами, ведущая к личностным конфликтам и сломанным судьбам, действительно травмирует общество.

Женщины, независимо — осмысленно или нечаянно, становятся первопроходцами в области социальных перемен. Изменив собственную позицию, они делают противоречия видимыми, как бы озвучивая действиями динамику общей ситуации, вынуждая к изменениям мужчин, как правило, тех, кто не считает себя носителем нормативной «гегемонной мужественности» и тоже готов к переменам.

Библиографический список

1. Агеев В. С. Психология межгрупповых отношений. М. : Изд-во МГУ, 1983. 144 с.
2. Айвазова С. Г. Патриархат // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой ; регион. обществ. орг. «Восток — Запад: женские инновационные проекты». М. : Информация — XXI век, 2002. URL: <http://www.owl.ru/gender/128.htm> (дата обращения: 10.12.2010).
3. Бем С. Линзы гендера : трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с.
4. Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендерные исследования. 2006. № 14. URL: <http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal-014.shtml> (дата обращения: 10.12.2010).
5. Берн Ш. Гендерная психология. СПб. : Прайм-Еврознак ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 320 с.
6. Бурдые П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики. СПб. : Алетейя, 2005. С. 286—364.

7. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 1. 708 с.
8. *Воронина О.* Съезд всех съест // Гендерные исследования. 2008. № 18. С. 349—356.
9. *Гапова Е.* Итоги съезда: еще раз о классовом вопросе постсоветского феминизма // Журн. исследований социальной политики. 2009. № 4. С. 465—484.
10. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М. : РОССПЭН, 2005. 264 с.
11. *Данилова Н.* Срочники, пиджаки, профессионалы: разные мужественности участников постсоветских войн // Журн. социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 5. № 2 (31). С. 110—126.
12. *Данилова Н.* Трансформация мужественности в «проективной» и «реальной» карьере инвалида войны // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 259—271.
13. *Дворкин А.* Порнография: мужчины обладают женщинами // Там же. 1999. № 3. С. 79—87.
14. *Жеребкин С.* Сексуальность на Украине : гендерные «политики идентификации» в эпоху козачества // Там же. 1998. № 1. С. 228—253.
15. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 432—451.
16. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 211—225.
17. *Кон И. С.* История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп / под ред. М. М. Малышевой. М. : Academia, 2002. С. 188—242.
18. *Кон И. С.* Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках. М. : Ин-т антропологии и этнологии РАН, 2001. С. 9—37.
19. *Кузюкова В. В.* Мужские гендерные номинации в СМИ. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/knp/138/knp138_134-137.pdf (дата обращения: 10.12.2010).
20. Материалы Третьей Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1—3 ноября 2010 г., Череповец. М., 2010. Т. 1. 464 с.
21. *Мещеркина Е.* Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности. С. 268—287.
22. *Рабжаева М. В.* Андроцентризм // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой.
23. *Радина Н. К.* Жизненные сценарии женщин трех поколений современной России // Семейная психология и психотерапия. 2006. № 1. С. 28—46.
24. *Радина Н. К., Конода И. В.* Гендерный анализ социальных представлений о «мужественности» и «женственности» // Женщина и мужчина в современном обществе : сб. ст. Н. Новгород : Изд-во НФ МГЭИ, 2004. Вып. 1. С. 112—123.
25. *Радина Н. К., Никитина А. А.* Социальная психология мужественности. М. : БОРГЕС, 2011.
26. *Радина Н. К., Терешенкова Е. Ю.* Возрастные и социокультурные аспекты гендерной социализации подростков // Вопр. психологии. 2006. № 5. С. 49—59.
27. *Радина Н. К., Штылева И. В.* Сценарии романтических отношений современных старшеклассников // Психология в школе. 2008. № 4. С. 82—89.
28. *Терешенкова Е. Ю., Радина Н. К.* Гендерная социализация: влияние матери на развитие гендерной идентичности ребенка : (по материалам фокус-групп) // Гендерные различия : материалы IV межвуз. конф. молодых исследователей по гендерным проблемам. СПб. : Алетейя, 2005. С. 153—159.

29. *Фенько А. Б.* Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // Психол. журн. 2004. № 2. С. 34—42.
30. *Хасбулатова О. А., Правкина И. А.* Традиции женского движения в России: история и современность // Женщина в российском обществе. 1997. № 1. С. 14—21.
31. *Чернова Ж.* «Мужская работа»: анализ медиарепрезентаций // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов : сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Попковой и И. Н. Тартаковской. Самара : Самар. ун-т, 2003. С. 276—293.
32. *Шведова Н. А.* Дочери или падчерицы России? // Политические исследования. 2000. № 2. С. 178—184.
33. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Мужество инвалидности // О муже(N)ственности. С. 106—125.

ББК 60.524.258

М. В. Пастухова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМАТИКИ ДЕВИАНТНОГО ОТЦОВСТВА

Изучение родительства и детско-родительских отношений в настоящее время является одним из приоритетных направлений как отечественной, так и зарубежной психологической науки.

В современном мире среди наиболее остро звучащих вопросов воспитания детей в семье и детско-родительских отношений, таких как одинокость семей и падение рождаемости, жестокое обращение с детьми, алкоголизм и наркомания родителей, предпочтение работы воспитанию детей, на первый план выступают проблемы воспитания детей в неполных и незарегистрированных семьях.

В современном обществе наблюдается стойкая тенденция к кризису социального института семьи, который проявляется главным образом в увеличении числа разводов среди супружеских пар и в возрастании количества незамужних матерей, а также в появлении определенной категории людей, предпочитающих семье одинокий образ жизни. Все это не только отражается в демографическом спаде, но и отрицательно влияет на развитие и воспитание подрастающего поколения. Сложившаяся ситуация крайне негативно сказывается на детско-родительских отношениях, т. к. только в традиционной семье отец имеет возможность для полноценного общения с ребенком.

Отдельно выступает проблема недостаточного взаимодействия отца и ребенка в полной семье, когда по причине постоянной занятости или нежелания общаться отец не уделяет должного внимания своему ребенку и лишь формально находится в роли отца, что также отрицательно отражается на развитии и воспитании детей.